

УДК 81.112

ОСОБЕННОСТИ ТЕКСТОПОСТРОЕНИЯ «ЖИТИЯ НИКОНА, СВЯТЕЙШЕГО ПАТРИАРХА МОСКОВСКОГО»

© 2010 г.

Н.В. Тарасова

Мордовский госуниверситет им. Н.П. Огарёва, Саранск

lijaorl@rambler.ru

Поступила в редакцию 09.04.2010

Рассматриваются особенности текстопостроения рукописного памятника XVII века «Житие Никона, святейшего патриарха Московского». Изучение этого вопроса представляет интерес, поскольку точное определение жанровой принадлежности данного памятника невозможно без сравнения его языковых особенностей с характерными чертами других произведений агиографической литературы.

Ключевые слова: агиография, текстопостроение, структурно-смысловой блок.

Объектом нашего исследования стали особенности построения текста «Жития Никона, святейшего патриарха Московского». Автором жития является клирик патриарха, иподиакон Иоанн Корнильевич Шушерин. Данный рукописный памятник конца XVII века хранится в Научно-исследовательском институте гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия. До сих пор «Житие Никона...» не становилось объектом лингвистического исследования.

Особенности текстопостроения «Жития Никона, святейшего патриарха Московского» вызывают интерес, поскольку многие из них нехарактерны для русской агиографии.

В «Житии...» встречаются структурно-смысловые блоки различных моделей. Под структурно-смысловыми блоками мы, вслед за Э.Н. Акимовой, понимаем «относительно целостные в структурном отношении компоненты произведений с особой, как правило типовой, структурно-смысловой организацией» [1: 106]. Наиболее привычные для древнерусской литературы блоки, состоящие из трёх частей: зачина, развёртывающей части и концовки, – встречаются реже всего. Активно употребляются блоки, членимые на развёртывающую часть и концовку. Наиболее часто в качестве концовки автор выбирает сочетание союза и частицы *и тако, тако*: *Той же обратися и виде, яко святыи крест отъемлют, рече: «Воля Господня да будет, яко аще повелят и ризу последнюю отъяти или ино что и вящие сотворити, не имамамы о том извета, но вся сия с радостию терпим, терпящее во имя Господне»; много же и ина от божественных писаний прилично сему изрече. И тако блаженный Никон повеле крест отдати* (л.194); ...*Царь же благочестивый Корни-*

лию митрополиту и всему собору, сослужащуту, повеле во всяком прошении блаженнаго Никона поминати патриархом, яко же и протчих московских патриархов поминают. Тако и бысть (л.299).

Связь предложений внутри структурно-смысловых блоков в подавляющем большинстве случаев цепная, каждое последующее предложение опирается на предыдущее, «цепляется» за него: *<...> велено оному приставнику пищу приготовить из царских сокровищ, блаженный же Никон сего никаго же восхоте приимати, приставник же оный Агей вельми о сем печашеся и моляше его...Он же нимало восхоте, глаголя, яко аще и умрети, но не сотворю сего. И тако оному приставнику прибывающу месяци или вящие <...>* (л. 234).

Важнейшим средством связи предложений в структурно-смысловых блоках и самих блоков в более крупных текстовых фрагментах является частица *же*. Чаще всего автор использует эту частицу при последовательном повествовании о каком-либо событии: *Он же повеле их представити пред себя, ти же вшедше и сотвориша поклонение и по сих ничто же рекуще, токмо вручаху святейшему патриарху два некая писания <...> Святейший же Никон сего не прия* (л. 140). Частица *же* в сочетании с союзом *тогда* употребляется для сопоставления действий героев повествования: *Тогда святейший патриарх глаголя им, да возвестят еше великому государю <...> Они же его отсылая до вселенских патриархов* (л. 128).

Для связи структурно-смысловых блоков в «Житии Никона...» используются союзы *егда (же), по сем (же), оттоле*, частицы *убо, бо*: *Их же псковичи приимши и царская и патриарша писания прочетшее, но не вскорее, обаче по их*

увещанию в совершенное смирение приидоша. **И оттоле** благочестивейший царь наипаче к преосвященному митрополиту нача свою велию милость являти (л. 68); *И зело возлюби то место и озеро и возжела на оном озере на Вышнем острове устроити монастырь. Егда же преосвященный митрополит по скончании того пути прииде к Москве* (л. 70).

«Житие Никона, святейшего патриарха Московского» предваряется предисловием к читателю. Здесь автор рассуждает о взаимодействии исторической литературы и агиографии, приводя в пример *исторические писания, яко Хронограф, Феатрон, Бароний, Пуффендорф, Апполодор // Вергилий и прочая* <...> *убо в них {аще и не во всех} известны суть и обретаются многих святых мужей жития* (л.2). Таким образом, мы можем сделать вывод об осознанной попытке автора синтезировать жанры исторической повести и жития с целью наиболее полно описать жизнь Никона. Далее перечислены подтемы текста, совпадающие с этапами биографии патриарха; особое внимание уделено теме его взаимоотношений с царём: *Но по некоем времени многия возставиша ко царю на Никона от злых человек наветы и клеветы. Также между има начася быти несогласие и распря* (л.3). Основной своей целью автор видит объективное описание жизни патриарха Никона *да последующим родом память о нем не заглодитя, неистинную же глаголюция да обличатся, трезвятся* (л. 6).

Вступление («К первейшему сея истории писателю») написано в стихотворной форме, что совершенно нехарактерно для агиографических произведений. В нём автор в третьем лице рассказывает о себе и о том, что подвигло его к написанию данного труда: *Той же писать подицися сказати, како жил Никон, дабы всяк мог знати. <...> Должны мы чтуще его поминати, дабы и самых себе так спасати* (л. 8). Автор изображает Никона подвижником, все его поступки – проявление воли божьей, Шушерин ни разу не усомнился в правоте патриарха. Верность Никона своим идеалам воспринимается как единственно возможный путь к торжеству справедливости. Точка зрения автора полностью совпадает с позицией патриарха, а все, кто противостоит ему, яростно осуждаются.

В повествовании можно выделить два главных образа – образ Никона и образ царя Алексея Михайловича. Автор не может порицать монарха, поэтому все гонения и лишения, на которые царь обрёл патриарха, согласно версии Шушерина, были результатом наветов «злых человек». Все остальные персонажи возникают

лишь во взаимодействии с Никоном либо царём. Воевода Хилков, спасённый патриархом от гнева жителей Новгорода, стольник Роман Барбарыкин, с которым у Никона возник спор по поводу права собственности на землю, дьякон Феодосий, пытавшийся навести порчу на патриарха, не воспринимаются вне основной сюжетной линии. Характеризует автор участников истории очень жёстко: есть сторонники и ученики Никона, и есть злодеи, мешающие претворению в жизнь планов патриарха.

Заключение содержит повествование об авторе в третьем лице. Очевидно, отдавая дань стремлению древнерусской литературы к анонимности, И. Шушерин не называет прямо своего имени, представляя его в виде загадки: *Имя же того, писавшего историю сию, пять бо литер иматъ, три самогласных, согласная же едина и припряжногласная едина дебелая, суть же тресложны в приобщении, число же 131* (л. 319). Однако загадка легко поддаётся расшифровке, установить личность автора несложно. К тому же автор вкратце излагает собственную биографию: <...> *во время изгнания святейшаго Никона патриарха много претерпе, в заточении седя на Москве три лета, потом во изгнание бысть послан в Великий Новгород, и бе тамо во изгнании десять лет* (л. 320). Тем самым Шушерин ещё раз подчёркивает достоверность изложенного: кому как не участнику событий знать все перипетии взаимоотношений патриарха, царя и Вселенского собора.

Данный памятник представляет интерес и с точки зрения содержания. Выдающийся исследователь русской агиографии В.О. Ключевский, проанализировав более 150 житий в 250 редакциях, сделал вывод, что, за исключением немногих памятников, остальная масса русской житийной литературы бедна содержанием, представляя чаще всего литературное развитие или даже копирование традиционных типов. Ключевский утверждал, что «небогатым историческим содержанием жития» [3: 237] нельзя пользоваться без предварительной сложной работы критики. «Житие Никона...» максимально исторично. Здесь немного фантастических моментов, нет описания чудес, предшествующих рождению будущего святого и случившихся после его смерти (за исключением нетленности тела Никона). Можно предположить, что для автора достоверность описываемых событий имела большое значение, в то время как в ранних произведениях агиографии историзм зачастую уступал место стремлению подтвердить святость героя повествования. В тексте много бытовых подробностей, Шушерин воспроизво-

дит слова того или иного персонажа, оформляя их как прямую речь. Важные, по мнению автора, сцены прописаны очень тщательно, поступки, слова, даже детали одежды людей переданы в мельчайших подробностях.

При создании канонических житий писатель-художник или преданный ученик святого, взявшийся за свой труд вскоре после его смерти, как правило, не увлекаются описанием личных качеств главного героя. В житиях приводится только несколько скупых, точных черт, вписывающихся в облик канонического святого. Здесь действует общий закон агиографического стиля, подобный закону иконописи: он требует подчинения частного общему, исчезновения личности, слияние с небесным, прославленным ликом.

В «Житии Никона...» отсутствуют такие неотъемлемые части классических житий, как описание чудес, предшествующих рождению святого, и чудес, связанных с его мощами. В заглавии жития не обозначены название месяца и день памяти святого, поскольку Никон не был канонизирован. Эпитет *святейший*, который сопровождает имя Никона на протяжении всего текста, обозначен уже в заглавии.

Основаниями для церковной канонизации являются: 1) жизнь и подвиг святого, 2) чудеса и 3) в некоторых случаях нетление его мощей. Для автора подвигом является борьба Никона за свои убеждения, он не мученик, а святой подвижник, несущий людям волю Божью.

Смерть Никона нельзя назвать мученической. Его изгнание похоже скорее на опалу придворного, чем на гонения за веру. Никон отстаивал примат церковной власти над светской, поэтому царь был вынужден изгнать соб-

ственного духовника. Алексей Михайлович сохранил тёплое отношение к нему лично, был благодарен за оказанную царской семье во время эпидемии помощь, но допустить фактического правления весьма популярного в народе патриарха не мог. Многие поступки Никона походят на проявление гордыни: в изгнании он отказывается принимать подношения царя; отказывает умирающему самодержцу в прощении. Интересно, что на словах Никон прощает царя, но категорически не хочет заверить этот поступок на бумаге, торгуется, требует, чтобы взамен ему разрешили вернуться из ссылки. Мало того, что это не соответствует требованиям христианской морали, так ещё и не очень понятно, почему такое значение патриарх придаёт фиксации на бумаге своего прощения.

Как лингвистические, так и литературоведческие особенности текстопостроения «Жития Никона, святейшего патриарха Московского» достойны внимания исследователей. Дальнейшим этапом нашей работы с памятником станет количественный подсчёт и выявление закономерностей употребления средств связи предложений внутри структурно-семантических блоков и самих блоков между собой.

Список литературы

1. Акимова Э.Н. Реализация категории обусловленности в языке памятников письменности русского средневековья (XI–XVII вв.). Саранск, 2006.
2. Клименко Л.П. Проблема языка, состава текста и жанра старопечатных памятников русской письменности XVII–XVIII вв. Ч. I. Н. Новгород, 1997.
3. Ключевский В.О. Древнерусские жития святых как исторический источник. М., 2003.

SOME PECULIARITIES OF THE TEXT OF «THE LIFE OF NIKON, THE HOLY PATRIARCH OF MOSCOW»

N.V. Tarasova

This article focuses on the peculiarities of textual organisation of «The Life of Nikon, the Holy Patriarch of Moscow». These issues are of great interest, since the precise definition of the genre of this monument is impossible without comparing the peculiarities of its text with others works of the hagiographical genre.

Keywords: hagiography, textual organisation, structural and semantic unit.